

В О П Р О С Ы **ИСТОРИИ**

В НОМЕРЕ:

МАРКСИЗМ И КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕВОЛЮЦИОННОСТЬ

РАСПРОСТРАНЕНИЕ МАРКСИЗМА В ИНДИИ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

ПАРТИЗАНЫ В 1812 ГОДУ

МОСКВА, 1941 ГОД

ЦИЦЕРОН И КАТИЛИНА

ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР

2

МОСКВА · 1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

№ 2 ФЕВРАЛЬ 1972 г.

★

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит с января 1926 года.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

В О П Р О С Ы И С Т О Р И И

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- М. А. Окунева — Теоретические взгляды основоположников марксизма и крестьянская революционность 3
- Н. И. Ксензенко (Харьков) — Решение аграрного вопроса в свекло-сеющих районах Украины (1917—1922 гг.) 18
- В. Л. Егоров — Государственное и административное устройство Золотой Орды 32
- В. С. Парсаданова — Политическая борьба в крестьянском движении Польши (1944—1949 гг.) 43
- В. Н. Никифоров — Из истории советского китаеведения 59
- А. В. Райков (Липецк) — Индийские национальные революционеры и марксизм (1920-е—1930-е годы) 67

ГЕРОИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ БОЕВОГО ПРОШЛОГО НАРОДОВ НАШЕЙ СТРАНЫ

- Л. Г. Бескровный — Партизаны в Отечественной войне 1812 года 81

ВОСПОМИНАНИЯ

- Генерал-лейтенант П. А. Ермолин — Тыл Красной Армии в Московской битве 98

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

- И. В. Оржеховский — Третье отделение 109
- С. Л. Утченко — Цицерон и Катилина 121

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Отделении истории АН СССР

- Л. Е. Минц — 95-летие академика С. Г. Струмилина 133

Обзоры

- А. О. Берман — Новые библиографические издания для историков 137

Рецензии

С. Л. Дмитренко — Ф. М. Ваганов. Правый уклон в ВКП(б) и его разгром (1928—1930 гг.)	142
М. Г. Панкратова — Г. З. Иоффе. Февральская революция 1917 года в англо-американской буржуазной историографии	145
В. Е. Иллерицкий — В. Г. Мирзоев. Историография Сибири (домарксистский период)	147
В. В. Мавродин (Ленинград), А. Л. Шапиро (Ленинград) — А. П. Пронштейн. Методика исторического исследования	149
Н. Г. Аполлова — В. Я. Басин. Россия и казахские ханства в XVI—XVIII веках	151
А. И. Красильников — В. А. Рыжиков. «Социализм» по-лейбористски: мифы и реальность	155
Э. О. Берзин — В. А. Тюрин. Ачехская война (Из истории национально-освободительного движения в Индонезии)	157
Е. В. Гутнова — Б. Г. Могильницкий. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. — начала 900-х годов	160
А. Д. Люблинская (Ленинград) — А. Р. Корсунский. Готская Испания (Очерки социально-экономической и политической истории)	163
Новые книги	166
Статьи в советских периодических изданиях	169
Хроникальные заметки	172

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Рецензии

А. И. Борозняк (Липецк) — Вернер Бертольд. Марксистская историческая концепция — народный фронт и антифашистская демократическая революция	177
Г. Г. Литаврин — Д. Оболенский. Византийское сообщество государств. Восточная Европа. 500—1453	180

По страницам зарубежных журналов

О. М. Медушевская — Польский источниковедческий ежегодник «Studia z dziedziny historii. Commentationes» (1957—1971 гг.)	185
Содержание журналов, выходящих в социалистических странах	192

Заметки о статьях

Е. И. Спиваковский — Румынские социалисты и группа «Освобождение труда»; Б. И. Александров — Послевоенная Западная Германия — «политический вакуум» или арена социальной борьбы?; А. Г. Судейкин — Консерваторы и империя; О. М. Михайлова — Польские ученые обсуждают методологические вопросы исторической науки; Э. С. Львова — К вопросу о доколумбовых контактах африканцев и американцев	194
Рецензии на советские издания	200
Хроникальные заметки	202

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Г. Б. Антонов — Бригадир женской тракторной	204
Ю. А. Федосюк — Тверской бульвар	207
Н. В. Ревякина (Новосибирск) — Бруни и гуманистическая образованность	212

У исторической карты народов мира

А. Ейне (ГДР), В. Е. Владыкин (Ижевск) — Лужичане	216
Сведения об авторах	220
<u>Леонид Михайлович ИВАНОВ</u>	221
Резюме статей на английском языке	222

нении Теуку Умара». Налицо логическое противоречие (руководство, выдвинутое ростом антифеодалных настроений крестьянства, осталось на позициях «феодалного национализма»), которое может повлечь за собой упрек в игнорировании многослойности национально-освободительного движения в Аче и недооценке роли антифеодалного крестьянского движения. Между тем в самой книге такого противоречия нет. Автор гораздо лучше отразил бы ее содержание, если бы разъяснил подробнее в заключении, что рожденное антифеодалным движением новое руководство в силу исторических условий могло

трансформироваться только в новый феодальный класс, как это не раз уже случилось в ходе крестьянских восстаний в различных частях света. И в плане конечного итога развития антифеодалной борьбы вообще все движение в целом можно назвать феодальным, так как оно не могло, естественно, ни вернуться к родо-племенным отношениям, к массе субъективно стремились крестьянские массы, ни превратиться в буржуазное, так как для этого еще не созрели условия. Такое пояснение устранило бы имеющееся в заключении книги видимое противоречие.

Э. О. Берзин

Б. Г. МОГИЛЬНИЦКИЙ. *Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в.— начала 900-х годов*. Томск. Изд-во Томского университета. 1969. 408 стр. Тираж 700. Цена 2 руб. 20 коп.

Книга доктора исторических наук, профессора Томского университета Б. Г. Могильницкого посвящена исследованию идейно-методологических воззрений одного из течений русской либеральной медиевистики второй половины XIX в., которое автор определяет как «социально-экономическое направление», относя к нему И. В. Лучичко, М. М. Ковалевского, Н. И. Кареева, П. Г. Виноградова, А. Н. Савина, Д. М. Петрушевского, Р. Ю. Виппера, В. К. Пискорского.

Объединяя эту группу историков в «социально-экономическое направление», Б. Г. Могильницкий руководствовался общностью их методологических воззрений, а также сходством леволиберальных политических взглядов, которые рассматриваются им на широком фоне политической и идейной борьбы, происходившей в изучаемое время в русском обществе. Выделение этого направления по таким критериям представляется вполне целесообразным, хотя вообще вопрос о принципах отнесения историков к тем или иным историографическим направлениям в советской литературе недостаточно разработан и требует еще специального изучения.

Автор уже известен своими работами, посвященными русской медиевистике 60-х годов XIX в.— 900-х годов и ее отдельным

представителям¹. Новая работа подводит некоторые итоги его многолетних исследований. В книге по ряду вопросов даны интересные сопоставления взглядов рассматриваемой группы историков с историческими воззрениями представителей аналогичных течений западноевропейской буржуазно-либеральной историографии.

Исследование Б. Г. Могильницкого отличается продуманностью в постановке проблемы и аргументированностью выводов. Для него характерно стремление избежать каких-либо схем и шаблонов в оценке рассматриваемых историографических явлений, показать во всей конкретности сложность и противоречивость воззрений избранной им группы ученых.

Б. Г. Могильницкий во многом уточняет общепринятую характеристику политических взглядов этой группы ученых, принадлежащих, по его мнению, к левому крылу русского либерализма. Он совершенно правильно подчеркивает половинчатость и противоречивость их мировоззрения, в кото-

¹ См. Б. Г. Могильницкий. К вопросу о методологических основах исторических взглядов А. Н. Савина. «Средние века». Вып. XVI. 1969; его же. О некоторых аспектах отражения современности в трудах русских медиевистов. «Методологические и историографические вопросы исторической науки». Томск. 1966. Вып. 4 и др.

ром переплетались сочувствие к народу и чувство страха перед ним, осуждение самодержавия и паническая боязнь революции (стр. 36—37, 102—103, 401—402).

Рассматривая вопрос об отношении русской либеральной медиевистики конца XIX — начала XX в. к главным направлениям в европейской философской мысли того периода, автор хорошо показывает, в чем русские историки-либералы в общем следовали позитивистским социологическим канонам. Вместе с тем он отмечает, что отдельные позитивистские положения вызвали неудовлетворение у историков «социально-экономического направления», и это толкало их на поиски иных методологических принципов. Б. Г. Могильницкий не ограничивается утверждением, что на русскую буржуазную медиевистику марксистские идеи оказывали более заметное и плодотворное воздействие, чем на западноевропейскую (стр. 129—166), а конкретно анализирует, в чем оно заключалось. В то же время он выясняет, что либеральные историки, испытав на себе определенное влияние марксизма, не только не приняли материалистический принцип объяснения истории в целом, но и с середины 90-х годов XIX в. открыто нападали на него, обычно сводя его к вульгарному экономизму. Б. Г. Могильницкий почему-то обошел молчанием вопрос о влиянии на формирование методологии медиевистов «социально-экономического направления» русской историографической традиции, представленной Т. Н. Грановским и главным образом революционными демократами, в том числе и идеологами народничества. А между тем именно эти традиции в 70—80-е годы XIX в. в немалой степени обуславливали относительную прогрессивность русской медиевистики по сравнению с западной. Нельзя не пожалеть, что, констатировав важность и неразработанность этого вопроса (стр. 21), Б. Г. Могильницкий оставил его открытым.

В книге рассматриваются теоретические концепции западноевропейского феодализма, созданные медиевистами «социально-экономического направления», их понимание предмета и функций исторической науки, исторического прогресса, наконец, отношение этих историков к начавшемуся в 90-е годы XIX в. общему кризису буржуазной исторической мысли. Автор убедительно вскрывает противоречие между общетеоретическими и социологическими взглядами, в основе своей идеалистической методологией этих историков и их подходом к конкретно-

му изучению исторических явлений и процессов, в котором Б. Г. Могильницкий подмечает отдельные элементы материалистического истолкования истории, в частности признание определенной зависимости социального строя, политической организации общества, а отчасти и его идейной жизни от экономических отношений (стр. 235, 236, 251, 252, 255 и др.). Особый интерес представляют наблюдения Б. Г. Могильницкого над методическими приемами медиевистов «социально-экономического направления», например, о применении и усовершенствовании ими таких исследовательских методов, как сравнительно-исторический, ретроспективный и статистический (стр. 270—293). Думается, что автор правильно в целом решил сложную проблему об отражении в творчестве историков «социально-экономического направления» общего кризиса буржуазной исторической мысли, начавшегося в Западной Европе на рубеже XIX и XX веков. Отметив, что проявления этого кризиса ощущались в русской медиевистике с начала 900-х годов, Б. Г. Могильницкий показывает это на эволюции методологических воззрений отдельных ученых (Н. И. Кареева, Р. Ю. Виппера, Д. М. Петрушевского) в направлении субъективно-идеалистического понимания истории и исторического познания — в неокантианском или махистском духе (стр. 294—310).

Вместе с тем он справедливо указывает на то, что до 1905 г. такого рода тенденции не были господствующими среди историков «социально-экономического направления». Только после революции 1905 г., в связи с переходом русской либеральной буржуазии на контрреволюционные позиции, в русской медиевистике начался развернутый пересмотр историко-теоретических взглядов (стр. 404—405).

С точки зрения собственно медиевистики привлекает внимание анализ взглядов ученых «социально-экономического направления» на некоторые важнейшие проблемы истории феодального общества. Прежде всего Б. Г. Могильницкий выясняет понимание ими феодализма. Он показывает, как оно эволюционировало от чисто политико-юридического к компромиссному, двойственному, что выразилось в разделении феодализма на «политический» и «социальный». В конкретных исследованиях этих историков, пишет автор, на первый план выдвигался феодализм «социальный». Характерными признаками его считались не только господство вотчины и натурального

хозяйства, как это было принято и в западной медиевистике, но и сочетание крупного вотчинного землевладения с мелким крестьянским хозяйством. В своем большинстве эти ученые видели в последнем важный элемент сельского производства (стр. 320—321), что существенно обогатило русскую медиевистику тех лет. Отмечая, что русские медиевисты рассматриваемого направления счастливо избежали крайностей «романизма» и «германизма», так как в вопросе о происхождении западноевропейского феодализма придерживались теории «синтеза», Б. Г. Могильницкий, однако, проходит мимо того важного факта, что именно они были пионерами в разработке типологического решения проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. Они впервые отчетливо выделили, например, итальянский и английский варианты этого процесса (П. Г. Виноградов) и предприняли в целом плодотворные попытки сравнительно-исторического его рассмотрения применительно к разным народам и странам Западной Европы².

Б. Г. Могильницкий выясняет также, как решались в русской либеральной медиевистике конца XIX — начала XX в. проблемы общины и вотчины и взаимоотношений между ними. Он справедливо отгнетает ряд положительных сторон в интерпретации русскими историками общинной теории: их успешные поиски экономических основ существования и эволюции общины, удачные попытки периодизации ее истории в связи с эволюцией системы родства и отношений собственности (М. М. Ковалевский), пристальное внимание к судьбам не только свободной, но и крепостной общины периода развитого феодализма, когда она сосуществовала с вотчиной (П. Г. Виноградов, Д. М. Петрушевский). Жаль, однако, что Б. Г. Могильницкий коснулся лишь мимоходом и только в связи с общинной проблемы собственно вотчины в трудах этих ученых, которая, как известно, занимала заметное место во всех их построениях, так как в большинстве своем они были сторонниками так называемой классической вотчинной теории. Признавая изначально большую роль свободной общины в процессе генезиса феодализма применительно к раз-

витому феодализму, они неизменно выпячивали ведущую роль вотчины, считая общину на этом этапе как бы частью вотчины. Этот сюжет заслуживал большего места еще и потому, что в подходе к нему русская медиевистика конца XIX в., пожалуй, более всего приближалась к западной, повторяя ее многие ошибки, в частности рисуя феодальную вотчину как обязательно единообразную по своей структуре организацию и, главное, как воплощение социальной гармонии между феодалами и зависимыми крестьянами.

Хорошо показывает Б. Г. Могильницкий внутреннюю противоречивость трактовки средневекового государства и роли классовой борьбы при феодализме русскими медиевистами «социально-экономического направления». Оставаясь в теории сторонниками надклассовости государства, на практике многие из них (М. М. Ковалевский, Д. М. Петрушевский, А. Н. Савин и даже Н. И. Кареев) иногда поднимались до понимания классовых тенденций в политике средневековых государств, особенно в сословной и абсолютной монархии. Точно так же в своих конкретных исследованиях они признавали классовую борьбу и в деревне и в городах важным фактором развития феодального общества, уделяя ей часто специальное внимание. Однако наряду с этим указанные ученые (особенно М. М. Ковалевский, П. Г. Виноградов и даже Д. М. Петрушевский в своем «Восстании Уста Тайлера») полагали, что в феодальном обществе классовая борьба отнюдь не была закономерной и необходимой и ее проявления следует рассматривать как признак разложения и болезни общества, а иногда как результат «неправильной» политики господствующего класса и правительства.

Автору удалось с большой конкретностью и тонкостью проследить противоречия в идейно-методологических воззрениях отдельных историков, особенно по конкретным проблемам. Менее удачно он характеризует системы их взглядов как применительно к отдельным историкам, так и всему направлению в целом. Это в первую очередь относится к общей оценке сущности методологических принципов историков «социально-экономического направления». Весь материал книги, и прежде всего вскрытая в ней сложность и противоречивость их воззрений, позволяет более определенно оценивать их методологию в целом как позитивистскую. Думается, что слож-

² Особенно в работах: М. М. Ковалевский. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. Тт. I—II. М. 1898—1900; Д. М. Петрушевский. Очерки из истории средневекового общества и государства. М. 1907.

ность и противоречивость воззрений русских либеральных медиевистов конца XIX в. отражали прежде всего их принципиальный эклектизм, плюрализм в подходе к историческим явлениям, стремление примирить непримиримое — материализм с идеализмом, то есть как раз те черты, которые были характерны для позитивизма как философского и социологического течения. Напомним, что все эти историки были противниками монизма, причем не только материалистического, но и идеалистического. Конечно, можно их называть и просто «историками-идеалистами», как это делает Б. Г. Могильницкий (стр. 401—402). Однако здесь требуется уточнение относительно их дуализма, который в ту пору находил свое наиболее ясное и чистое выражение не только в Западной Европе, но и в России в позитивистском подходе к истории. Широкое распространение позитивизма в России в пореформенный период было связано с положением самой либеральной буржуазии в социальной структуре страны, с ее антиреволюционной настроенностью и враждебностью к диалектике и материализму. Отсюда эклектика и эволюционизм в мировоззрении и методологии истории. Даже когда русские медиевисты 70-х годов

XIX в. — 900-х годов критиковали О. Конта или Г. Спенсера или принимали отдельные элементы материалистического понимания истории, как это отчетливо проследжено на многих страницах книги, они все же не выходили за рамки общих позитивистских настроений. Поэтому если можно говорить о влиянии на этих историков материалистического понимания истории, в целом чуждого им, то применять этот термин — «влияние» для определения их отношения к позитивизму вряд ли правомерно, поскольку последний составлял плоть и кровь их собственного общесторического мировоззрения. Эту плюралистическую, дуалистическую, эволюционистскую, в конечном счете позитивистскую основу в мировоззрении историков «социально-экономического направления» следовало бы подчеркнуть еще сильнее.

Исследование Б. Г. Могильницкого несет в себе обширную и весьма ценную информацию. Оно во многом обогащает наши представления о большой группе русских историков, оставивших заметный след в отечественной и мировой науке. Полезна она и с точки зрения предлагаемых автором приемов историографического исследования.

Е. В. Гутнова

А. Р. КОРСУНСКИЙ. *Готская Испания. (Очерки социально-экономической и политической истории).* М. Изд-во МГУ. 1969. 326 стр. Тираж 1 600. Цена 1 руб. 44 коп.

В монографии доктора исторических наук, профессора МГУ А. Р. Корсунского рассмотрен первый этап складывания феодализма в готском королевстве на территории Испании (V—VII вв.). Автор давно занимается этой темой, и его многочисленные труды составляют весомую часть советской и зарубежной историографии генезиса феодального общества.

Проблема эта относится к числу важнейших и интереснейших не только для медиевистов, но и для историков других эпох, преимущественно в методологическом плане. Складывание феодального строя в недрах рабовладельческого или первобытнообщинного общества происходило медленно. Новые отношения лишь постепенно вытесняли или преобразовывали старые, создавались разнообразные переходные фор-

мы. Зарождавшийся феодальный строй укреплялся в той мере, в какой совершалось это вытеснение. Поэтому темпы и формы процесса зависели от специфики конкретных условий и в первую очередь от соотношения сил. Испания играет в этом плане особую роль даже в пределах Западной Европы, что придает книге особый интерес.

Немногочисленные германцы — примерно 5% от всего населения (стр. 69) — размещались в Испании очень неравномерно, заняв главным образом наиболее романизованную территорию на плато бассейна р. Дуэро. Очевидно, эти самые освоенные в ту пору земли привлекли завоевателей высоким естественным плодородием: они напоминали им северодунайские области, покинутые в 375 г. под напором гуннов. Во всяком случае, быстрое восприятие готами